

СУДЬБА ИДЕИ

Интервью **Франсуа Фюре** журналу «Курьер ЮНЕСКО», июль-август 1989 г.

Справка «Курьера ЮНЕСКО»

Франсуа Фюре, французский историк и писатель; директор Института Раймонда Арона в Париже. Автор ряда книг, в том числе «Penser la Révolution française», Gallimard, 1978, «La Révolution 1770-1880», Hachette, 1988. В соавторстве с Моной Озуф (Mona Ozouf) опубликовал «Dictionnaire critique de la Révolution française», Flammarion, 1988.

Французская революция провозгласила принципы всеобщей свободы и равенства, однако воплощение этих абстрактных понятий в жизнь в различных обществах неизбежно приводило к конфликтам и компромиссам. Сегодня, спустя 200 лет проблемы эти более актуальны, чем когда-либо. В своем интервью «Курьеру ЮНЕСКО» французский историк Франсуа Фюре, чьи работы заставляют по-новому взглянуть на французскую революцию, рассматривает концепцию универсального характера человека и его прав в мировом масштабе.

Французская революция была попыткой дать универсальное законодательство, освободить не только французов, но и все человечество. Таким образом, это событие не национального, а международного масштаба, имеющее не только политическое, но и философское значение.

Итак, освобождение человечества. Осуществить это намерение мешала, в частности, свойственная тому времени ограниченность мировоззрения, отличающаяся евроцентризмом. Говоря о человечестве, французы на деле подразумевали лишь Европу и ее придатки – только что освободившиеся английские колонии в Америке. Дальше этих пределов они не заглядывали.

Впрочем, весь XIX век отмечен печатью евроцентризма. Даже такие деятели, как Маркс, говоря о всемирном, имели в виду главным образом Европу. Все в основном сводилось к Англии, Германии и Франции. Чтобы не подорвать концепцию универсальности, даже в самой Европе лучше было не углубляться на юг или восток. Таким образом, французская революция, вне всякого сомнения, стремилась узаконить права личности, подразумевая при этом Европу.

Фантастическая идея

Однако универсальность можно понимать и в другом смысле: конкретной универсальности не существует, это чисто абстрактная категория, поэтому универсальный человек – неизбежно человек абстрактный. Революция объявила, что человек только тогда заинтересован быть частью общества, когда это общество гарантирует ему независимость, свободу и права, принадлежавшие ему еще до заключения общественного договора. Другими словами, с точки зрения революции, суть человека – свобода, независимость, подчинение только своим собственным законам. Общество должно гарантировать каждому все права, которыми он наделен от рождения. Это в высшей степени необычная и совершенно абстрактная задача.

Итак, права – категория формальная, абстрактная, как бы вытекающая из естественного состояния человека. В таком случае задача, которую собиралась решить революция, представляется слишком фантастической, поскольку не соответствует реальному состоянию общества и положению в нем людей. Ее трагедия в значительной мере и заключается в этом колоссальном противоречии между универсальными правами, которые она провозгласила неотъемлемой принадлежностью человека, и состоянием конкретного социума, в котором есть бедные и богатые, слуги и господа.

Равенство: вымысел или реальность?

Итак, на протяжении двух веков рожденная французской революцией современная демократия постоянно страдает от несоответствия между утверждением абстрактных универсальных прав и несовершенством осуществления их на практике. Возьмем, например, концепцию равенства. Это тоже чисто абстрактная идея: люди не могут быть равными – природа и общество неизбежно порождают неравенство, хотя общество и заявляет о своем намерении обеспечить равенство. Но разве как граждане они не равны?

Получается, что абсолютное равенство, политическое и социальное, равнозначно абсолютному деспотизму. Единственная гипотетическая возможность гарантировать полное равноправие – это поставить кого-то одного над всеми, чтобы он обеспечивал им равенство прав. Получается довольно неприятная картина: свобода всегда порождает неравенство. В результате государство все чаще рассматривается как инструмент его устранения или исправления. По-видимому, свободное общество как раз и характеризует трудно определяемое и постоянно меняющееся соотношение между усилением мощи государства и свободой личности.

За прошедшие 200 лет не было случая, чтобы в какой-то стране произошло уменьшение роли государства, даже в самых либеральных из них. Возьмите, например, США, Францию или Великобританию. Роль государства здесь постоянно увеличивается. Во имя чего? Во имя равенства. Каждый раз, когда та или иная группа граждан получает новые права, приходится создавать специальное государственное учреждение для их обеспечения. Итак, стремление к равноправию неизбежно связано с ростом государственных механизмов со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности с возможными противоречиями между сферой деятельности государства и личной инициативой.

Права граждан или гражданская война?

По мере универсализации мира, в том числе путем колонизации, а затем деколонизации, порожденные французской революцией конфликты между формальным и реальным, общим и частным возникают вновь и вновь. Демократическое движение зачастую сводится к борьбе за их устранение. Неужели Декларация прав человека и гражданина есть не что иное, как провозглашение непрерывной гражданской войны с целью обеспечить людям равенство, которого у них нет? Демократическое общество развивается главным образом за счет постоянного расширения сферы равноправия. Впрочем, каждый шаг в этом направлении порождает новые конфликты.

Например, во Франции 1848 года встал вопрос о праве на труд, а также о том, является ли собственность правом и насколько она совместима с равенством. Противоречия эти не надуманные. Конечно, собственность является правом, ибо без нее человек превращается в потенциальную жертву государства. Вместе с тем, если собственность распределена слишком неравномерно, это ведет к такому социальному неравенству, которое в большинстве случаев лишает возможности пользоваться этим правом. Вот наглядный пример противоречий, вытекающих из Декларации 1789 года.

В результате этого конфликта, порожденного этими ценностями, в которых заключается все историческое значение революции, она сама стала объектом критики. Возникло течение, отрицавшее теорию прав как абстрактную и фальшивую, как камуфляж неравенства и маску буржуазного индивидуализма.

В 1917 году в России произошла революция, ставившая целью преодолеть эти противоречия. Исходя из критики прав человека, она решила заменить абстрактное конкретным, формальную демократию – диктатурой пролетариата; она стремилась решить проблему неравенства путем отказа от рыночной экономики и свободы личности.

Необходимый компромисс

Прошло тридцать лет, и в мире сложилась совершенно необычная ситуация: после второй мировой войны сторонники двух диаметрально противоположных концепций 1789 и 1917 гг. почувствовали необходимость договориться.

Среди победителей были, с одной стороны, демократические государства Западной Европы и Америки, которые всегда (а тем более после победы над нацизмом) придерживались концепции прав человека, а с другой стороны, Советский Союз, созданный на совершенно иных принципах. Обеим сторонам нужно было прийти к взаимопониманию.

Только что совместными усилиями они создали Организацию Объединенных Наций. Необходимо было найти общую почву. Ею стала Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948г., – результат странного, но необходимого компромисса. С одной стороны – Кассэн, с другой – Вышинский. В результате их диалога было достигнуто некое равновесие между двумя противоположными концепциями. Однако оно опиралось на гуманистический и демократический идеал, поскольку в основу системы ООН было положено отрицание нацизма, иными словами, идея свободы и права.

Для достижения договоренности западным юристам пришлось согласиться на включение в документ понятия так называемых «реальных» прав. Так, например, в Декларации 1948 г. говорится о праве на необходимый жизненный уровень. Это как раз одна из тех идей, которые чрезвычайно трудно осуществить на практике в бедных странах. Признание необходимого жизненного уровня одним из прав человека лишь подчеркнуло проблематичность этих прав.

Кроме того, по инициативе советской стороны разгорелись жаркие дискуссии о праве собственности: предлагалось исключить его из числа прав человека. Западные страны считали, что это невозможно. В итоге Декларация 1948 г. несет на себе печать противоречий. Авторы стремились, чтобы этот документ был одновременно нормативным и конкретным, заключал в себе общее и частное. Однако каждое новое определение лишь ослабляет концепцию универсальности. Минуло четыре десятилетия после принятия Декларации, а споры все не утихают. Более того, по многим противоречивым положениям они разгораются с новой силой.

«Мы должны сознавать себя свободными и равноправными»

Продолжаются широкие дискуссии о реальном содержании понятия свободы и равноправия. Действительно, людей можно считать свободными и равноправными, если они не закабалены и не порабощены. Они вольны распоряжаться своей душой и телом, преследовать свои личные интересы, вступать в контакт друг с другом. С другой стороны, такое понимание свободы и равноправия носит ограниченный и компромиссный характер, поскольку не вскрывает социального, культурного и личного неравенства, а также эксплуатацию одного класса другим.

На этом примере хорошо видно, что концепция свободы и равенства надумана. Однако их этого следует два противоположных вывода: можно признать – и я с этим согласен, – что мы далеко не всегда свободны и равноправны, но мы должны сознавать себя свободными и равноправными членами общества. Такой подход изменяет социальную ткань, создает напряженность, о которой я говорил, обеспечивает развитие демократических процессов.

С другой стороны, руководствуясь марксистской точкой зрения, можно сделать совершенно иное заключение: поскольку свобода и равенство не более чем иллюзия, нужно выйти за пределы этих понятий, уничтожить основанную на них систему и построить общество, коренным образом отличающееся от общества 1789 года. Так как современная демократия – всего лишь ширма для диктатуры буржуазии, нужно заменить ее власть властью пролетариата, который, не будучи эксплуататорским классом, избавит общество и все человечество от любых форм эксплуатации.

Истоки современного индивидуализма

Однако я не могу согласиться со стремлением свести современную демократию к диктатуре буржуазии. История свидетельствует, что дело обстояло иначе. Французское общество 1789 года не было в полной мере ни буржуазным, ни капиталистическим. В своих работах я как раз и стараюсь показать, что французскую революцию нельзя сводить к утверждению господства буржуазии. Она привела к возникновению современного индивидуализма. Этот процесс намного шире простого формирования нового класса, он преобразует всю структуру общества, а буржуазия – всего лишь один из его элементов, пусть даже постепенно подчиняющий себе другие.

Индивидуализм присущ не только буржуазии. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к примеру стран, где экономическая диктатура буржуазии уничтожена, а требование свободы личности не сходит с повестки дня. В наши дни в обществах, основанных на марксистской идеологии, понятия прав человека, рынка, формальной демократии вновь выходят на первый план. Другими словами, идея создания общества на основе прав личности – отнюдь не буржуазная выдумка, более того, это универсальная идея, отвечающая чаяньем всех людей. Конечно, полное равенство недостижимо, но его идеал всегда виден на горизонте и притягивает к себе человечество. С этой идеей и нужно жить. Именно она способствует динамике развития общества.

Однако противоречие между формальной демократией и диктатурой того или иного класса все еще существует, хотя бы уже потому, что во многих странах за пределами Европы идеи классовой борьбы находят больше сторонников, чем идеи демократии, а критика прав человека пустила более глубокие корни, чем идея обеспечения этих прав. Причины нужно искать в истории: концепцию прав человека в эти страны принесли колонизаторы, которые навязывали ее силой оружия. Поэтому порабощенные народы, естественно, считали, что эти права нужны завоевателям для маскировки своего господства.

Можно сказать, что в XX в. марксизм получил широкое стихийное распространение во многих неевропейских странах, а критика концепции прав человека стала неотъемлемой частью их опыта. Другими словами, отрицание универсальности прав человека вошло у них в плоть и кровь. Таким образом, колонизаторы одновременно принесли им идею прав человека и ее критику. В большинстве случаев вторая казалась народам этих стран более правдоподобной, так как больше соответствовала окружающей их действительности и служила оправданием насильственных методов сопротивления.

Динамика демократии – динамика конфликта

Конечно, речь идет о самой общей тенденции. В каждом конкретном случае есть свои особенности. В период колонизации эти страны находились, как правило, на ступени, предшествующей индивидуализму, – каждый человек еще сохранял прочные связи с семьей, племенем, общиной. И вот в это общество вторгся колонизатор со своими идеями индивидуализма. В результате произошло наложение двух миров – одного, основанного на традиционной солидарности, и другого, ориентированного на современную идеологию демократизма; общества, возглавляемого племенными вождями и деревенскими старейшинами, и общества, построенного на принципах всеобщего избирательного права...

Это привело к созданию Институционно-революционной партии в Мексике, партии «Вафд» в Египте, Гоминдана в Китае, Индийского национального конгресса в Индии. Однако все эти либеральные опыты дали на практике весьма скромные результаты. Вот почему за ними последовал новый этап, утвердивший господство идеологии классовой борьбы и революции.

Однако в последнее время, судя по всему, появилось стремление вернуться к идее прав человека и демократии.

Страны, исходившие из убеждения, что современный человек может обойтись без прав личности, часто оказывались в тяжелейшем экономическом положении. Уничтожив докапиталистические структуры и при этом отказавшись от капиталистической рыночной экономики, они столкнулись с неслыханными трудностями. Некоторые из них не могут прокормить не только городских жителей, но и крестьян. Резко упала производительность труда. Маркс не ошибся: производительность труда, способность увеличивать богатство составляют одну из основ существования общества. А без этого, равно как без учета реальной взаимосвязи человека и природы, не может быть развития.

Как выясняется, в истории не бывает коротких путей. После общинного этапа неизбежно должен последовать этап индивидуализма, со всей присущей ему напряженностью. Без конфликтов не обойтись: необходимо признать, что мы живем в конфликтном обществе, от этого не уйти. Динамика демократии есть динамика конфликта.

На определенной стадии этого процесса встает проблема управляемости современного общества. Возьмите, например, Францию. Управлять ею совсем не просто. Стоит возникнуть новому противоречию, как люди выходят на улицы. Это и есть свобода, и сегодня нужно научиться жить с этим. Вероятно, главная трудность, которую надо преодолеть всем странам, состоит в том, чтобы не привыкать к определенности, а, напротив, принимать неопределенность, непредсказуемость и риск, которые таит в себе будущее.

Единство человечества

Что же сказать в заключение о судьбе идей французской революции 200 лет спустя? Совершенно очевидно, что они привлекают все больше сторонников. Но трудности, связанные с их полным претворением в жизнь, огромны.

С одной стороны, в странах Запада, где эти идеи восприняты уже давно, наблюдаются негативные явления. Конечно, жить здесь довольно приятно, поскольку найдено некое приемлемое соотношение между свободой личности и деятельностью государства. Однако за сохранение этого соотношения приходится дорого платить. Люди отворачиваются от забот общества, все меньше интересуются проблемами соплеменников, ослабевают коллективные связи. Все это очень плохо. Человека волнуют только собственные интересы, в результате возникает огромная пустота, что-то уходит из жизни.

В других странах мира стремление личности к свободе и обеспечению прав человека набирает силу и завоевывает позиции. Но достаточно ли этого, чтобы решить проблемы общества, основанного на коллективных связях, и вопрос производительности труда? Ответ еще предстоит найти.

Хотел бы в заключение выразить надежду, что двухсотлетний юбилей французской революции станет крупным просветительским мероприятием, которое позволит глубже понять подлинные проблемы и конфликты, связанные с этим событием, и, несмотря на разнородность и противоречивость современного мира, будет способствовать распространению идеи единства людей и универсальности прав человека.

Подготовили: Ктара, В.Веденеев.

© Vive Liberta 2005